

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ восемнадцатый.

ФЕВРАЛЬ.

1887 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Николая Никифоровича Мурзакевича, Гл. VI—X	263	IX. К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ. Изъ воспоминаній институтки. Сообщ. Н. Титова	471
II. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ	299	X. Puschkiniana. Библиографич. указатель статей объ А. С. Пушкинѣ. Сообщ. И. Сержпутовскій	495
III. Записки Александра Михайловича Тургенева. Гл. LXI—LXII	329	XI. Лермонтовскій музей въ Петербургѣ. Сообщ. А. Бильдерлингъ	507
IV. Персидскій походъ въ 1796 г. Воспоминанія Варвары Ивановны Бакуниной.	343	XII. По поводу очерка: „Дмитрій Емельяновичъ Гнусинъ“. Сообщ. М. Ю. Левестамъ	515
V. Яковъ Петр. Кульневъ, 1766—1812 гг. Очеркъ его боевой жизни. Сообщ. А. Калиновскій	375	XIII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ)	529
VI. Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царств. Николая I. Сообщ. В. И. Семевскій	389	XIV. Матеріалы, замѣтки, поправки и стихотворенія: Рескриптъ Павла I (374). — Кн. Н. Г. Щербатовъ (388). — Н. М. Языковъ (464). — „Филантропъ“, стих. И. С. Никитина (470). — „Единство“, шутка-стих. гр. А. К. Толстаго (512). — Григ. Серг. Аксаковъ (506). — Поправки (511 и 532).	
VII. Константинъ Дмитріевичъ Навелинъ: три неиздан. монографіи по крестьянскому вопросу, 1857—1864 гг. Съ предислов. професс. Д. А. Корсакова.	431	XV. Библиографическій листокъ.	
VIII. Письма гр. Эрнеста Миниха, 1756—1758 гг. Сообщ. графъ Д. А. Толстой.	465		

ПРИЛОЖЕНІЕ: I. Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина). Гравир. на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.

Восемнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Лица, подписавшіяся на „Русскую Старину“ изданія 1887 г. по 1-е марта 1887 г., могутъ получить за ДВА руб. (вмѣсто шести руб.) книгу: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова (второе изданіе).

Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе), сорокъ гравюръ, разошелся сполна и не имѣется для продажи ни одного экземпляра.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1887.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1887 г.

К. Д. УШИНСКІЙ И В. И. ВОДОВОЗОВЪ.

Изъ воспоминаній институтки.

I.

Какое-то странное чувство непостижимой тревоги, изумленія, неопредѣленнаго страха, недоумѣнія и любопытства закралось въ наши институтскія сердца, когда впервые въ нашихъ стѣнахъ, въ качествѣ инспектора классовъ, появился Константинъ Дмитриевичъ Ушинскій. До него инспектора не играли въ нашей жизни ни малѣйшей роли, и мы смотрѣли на нихъ исключительно съ точки зрѣнія болѣе или менѣе взыскательныхъ ассистентовъ въ экзаменаціонное время и посѣтителей уроковъ. Институтскіе нравы съ пресловутыми обожаніями, холодное, оффиціальное отношеніе властей къ воспитанницамъ, солдатская дисциплина и неослабно строгія мѣры противъ ея нарушителей, быстро приводящія всѣхъ воспитаницъ къ одному знаменателю, точно опредѣленный порядокъ даже для проявленія чувствъ, — все это давно сложилось и безъ какихъ-бы то ни было уклоненій въ сторону, испоконъ вѣка незыблемо покоилось на твердомъ основаніи рутиннаго кодекса приличій, безнравственной нравственности и ханжеской морали. Ни одинъ инспекторъ и не дѣлалъ попытокъ вмѣшиваться въ нашу внутреннюю жизнь. На стражѣ нашей нравственности стояла начальница — женщина далеко за 70 лѣтъ, неизмѣнно появлявшаяся въ декольте на нашихъ институтскихъ балахъ, особа, державшая себя высококомѣрно-величественно, какъ съ подчиненными, такъ и съ равными себѣ, которую всѣ обязаны были называть „votre excellence“, инспектриса классовъ — „таман“ (между

собой мы ее называли „казенною матерью“) и классныя дамы, мелко придирчивыя, озлобленныя старыя дѣвы. На обязанности инспектора исключительно лежалъ надзоръ за преподаваніемъ. Но ни одинъ изъ нихъ и не думалъ вносить въ это дѣло ни малѣйшаго измѣненія. Учителя мѣнялись у насъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по причинѣ тяжелой болѣзни, когда выслуживали срокъ своей пенсіи или когда совсѣмъ поканчивали съ своимъ земнымъ поприщемъ. Въ преподаваніи господствовалъ полный застой: долбнѣ и умѣнью чисто и изящно переписывать „записки“ учителей отдавали рѣшительное предпочтеніе. Библіотеки въ институтѣ не существовало, было даже очень мало учебниковъ: большая часть учителей приносила свои записки на листочкахъ. Воспитанницы обязаны были къ каждому уроку переписать ихъ какъ можно лучше и задолбить слово въ слово. Кто умѣлъ тверже вы зубрить урокъ, чья тетрадь отличалась изяществомъ почерка и безукоризненной чистотой, тотъ получалъ лучшую отмѣтку. Хотя не мало было случаевъ, что нѣкоторыя дѣвушки зачитывались сочиненіями Сю, Дюма-отца, а иногда даже и просто на просто порнографической литературой, получаемой тайкомъ отъ братьевъ и кузеновъ юнкеровъ и кадетовъ, но, вообще говоря, чтеніе было чрезвычайно мало развито между воспитанницами, да и не хватало на него времени: свободные часы уходили на зубрежку уроковъ и на переписыванье тетрадей, занятіе, къ которому многія чувствовали истинную страсть и достигали въ этомъ искусствѣ замѣчательной виртуозности. Наше воспитаніе, какъ умственное, такъ и нравственное, не могло развить въ насъ ни малѣйшаго стремленія къ мало-мальски толковому изученію какой-либо отрасли знанія или искусства, да никто изъ насъ и не зналъ-бы, какъ къ этому приступить. Что касается будущаго, то, воспитываясь въ закрытомъ заведеніи, мы имѣли о дѣйствительной жизни самыя превратныя понятія, и наши мечты вертѣлись на выѣздахъ и балахъ, хотя никто изъ насъ не имѣлъ о нихъ никакого представленія. Тѣ, которыхъ въ будущемъ ожидало гувернантство, смотрѣли на свою судьбу, какъ на самую злосчастную, и старались скрывать это даже отъ подругъ, въ надеждѣ, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, пронзить чье-нибудь сердце. Если внѣшность не допускала на этотъ счетъ уже никакихъ иллюзій, то

все-же онѣ рассчитывали въ послѣдствіи „благородно пристроиться“ въ семействѣ дальнихъ, но добрыхъ родственниковъ и, такимъ образомъ, навсегда избѣжать трудовой дороги, которая тогда представлялась не иначе, какъ въ формѣ унижительнаго и зависимаго гувернантства.

Въ 1859 г. разнеслась вѣсть, что къ намъ назначенъ новый инспекторъ Ушинскій, который надняхъ приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей. Это извѣстіе нимало не взволновало насъ и мы забыли о немъ очень скоро, но черезъ нѣсколько дней учитель французскаго языка, входя въ нашъ классъ, заявилъ, что новый инспекторъ въ другомъ отдѣленіи и, вѣроятно, тотчасъ явится и къ намъ, причемъ онъ убѣдительно просилъ насъ быть особенно внимательными. Но на этотъ разъ никто насъ не потревожилъ: заслышавъ звонокъ, мы распростились съ учителемъ и спокойно встали со скамеекъ. Классная дама, давъ намъ обычное приказаніе идти въ корридоръ, ушла въ свою комнату, и мы уже двинулись, чтобы выйти изъ класса, какъ къ намъ, не отвѣчая на наши реверансы, ни на кого не обращая вниманія, нервно комкая шляпу въ худощавыхъ рукахъ, выбѣжалъ высокій, очень худощавый брюнетъ.

— Чему вы здѣсь научились? — выкрикивалъ онъ, все продолжая спѣшно идти впередъ, ни на кого не глядя и приходя все въ большее раздраженіе.— Хороши знанія... нечего сказать! Впрочемъ, вѣдь вы спеціально изучали здѣсь нравственность!— Онъ остановился, окинулъ быстрымъ взглядомъ толпу институтокъ, которая, ничего не понимая, въ изумленіи смотрѣла на него.— Хороша нравственность! Пачкать духами, одеколономъ и всякою дрянью чужую шляпу! Это... это, кажется, вы только и выносите изъ этихъ стѣнъ! Выросли... должны учить, воспитывать другихъ, а сами еще не научились, что портить чужую вещь гадко и неделикатно! У порядочнаго человѣка нервы, наконецъ, не выносятъ такой дряни... Наконецъ... почему вы знаете: можетъ быть я настолько бѣденъ, что не имѣю возможности купить другую шляпу? Да куда вамъ думать о бѣдности! Не правда-ли, вѣдь это, *fi donec*, совсѣмъ унижительно... и онъ съ послѣдними словами выбѣжалъ въ другія двери.

Пораженные и изумленные, мы стояли какъ вкопанные, не двигаясь съ мѣста.

Вступая въ институтъ, новый инспекторъ обыкновенно чинно входилъ въ классъ въ сопровожденіи инспектрисы. При этомъ инспектриса торжественно произносила по-французски: „Monsieur, — рекомендую, воспитанницы такого-то класса“ и, обращаясь къ намъ, „Mesdemoiselles, — вашъ новый инспекторъ“. Мы чинно приподнимались со скамеекъ, кланялись и привыкли изъ устъ новаго инспектора выслушивать нѣсколько фразъ, правда, стереотипныхъ, но въ чрезвычайно вѣжливой формѣ, въ которыхъ высказывалось обыкновенно, что мы своимъ прилежаніемъ и успѣхами заставимъ его, инспектора, всегда вспоминать о проведенномъ съ нами времени, какъ о самомъ приятномъ для него. Затѣмъ начинался урокъ, во время котораго учитель вызывалъ самыхъ лучшихъ воспитанницъ, а инспекторъ старался ободрить конфузившихся и въ концѣ концовъ высказывалъ удивленіе нашимъ знаніямъ и успѣхамъ.

— А этоть? Да это Богъ знаетъ что такое!.. думали мы, не двигаясь съ мѣста. Ему-же оказали вниманіе, а онъ, какъ бѣшенный, влетаетъ въ классъ, третируетъ насъ, взрослыхъ дѣвушекъ, какъ базарныхъ мужиковъ... Наконецъ, даже не мы это сдѣлали! Вѣроятно кто-нибудь изъ другаго отдѣленія... А если-бы и мы? Неужели такое преступленіе облить шляпу духами? Мы всегда такъ дѣлали, и этимъ порядочные мужчины были только польщены!.. Не понимаетъ даже того, какъ должно быть лестно для мужчины такое вниманіе! Вообще какой-то совсѣмъ не комильфотный... И какъ приличны съ нами эти разговоры о бѣдности!..

Въ рѣзкой выходкѣ Ушинскаго насъ всего болѣе поразила его особенно язвительная насмѣшка надъ постыднымъ страхомъ и стыдливостью институтокъ сознаваться въ бѣдности, даже когда въ этомъ была настоящая необходимость. Дѣйствительно, каждая изъ насъ, если только родители ея были люди небогатые, старалась тщательно скрывать это отъ подругъ, даже, подъ разными предлогами, просила бѣдно одѣтыхъ родственниковъ не являться къ ней въ часы, назначенные для свиданій, а если это никакъ не удавалось, жестоко страдала.

— Презрѣнный! Противный! — шептали мы другъ другу на разные лады. Между тѣмъ внѣшность Ушинскаго, даже съ перваго взгляда, казалось, должна была вырвать изъ нашихъ устъ совсѣмъ другіе эпитеты. Бѣдное, съ тонкими чертами, вырази-

тельное, въ высшей степени интеллигентное лицо, черные, какъ смоль, волосы, съ блестящимъ чернымъ отливомъ, очень густыя, черныя брови дугой, высокій, блѣдный лобъ, съ печатью глубокой думы на челѣ, крайне нервныя, рѣзкія манеры, лихорадочный блескъ его темно-карихъ глазъ, уже замѣтныя морщины на лицѣ еще очень молодомъ, его безкровныя, крѣпко сжатыя губы, краснорѣчиво говорившія объ упорной волѣ, о сознаніи своихъ недюжинныхъ силъ, однимъ словомъ, вся внѣшность Ушинскаго была до такой степени оригинальна, что развѣ видѣвшіе его никогда не могли его забыть.

— Ну, что у васъ говорилъ Ушинскій?.. видѣли?—спрашивали насъ вбѣжавшія къ намъ воспитанницы другаго отдѣленія. Эти возгласы только теперь окончательно заставили насъ выйти изъ оцѣпенѣнія. Мы заволновались, заговорили всѣ сразу, начали забрасывать другъ друга вопросами. Изъ отрывочныхъ фразъ мы узнали только то, что Ушинскій посѣтилъ два урока, и что одинъ изъ учителей уже заявилъ воспитанницамъ, что онъ оставляетъ заведеніе.

— Понятно, что его удалили Ушинскій... За что? Господи, какой злой, противный человѣкъ! Что-то съ нами будетъ? — въ ужасѣ спрашивали мы другъ друга и, окончательно пораженные новыми вѣстями, тихо становились по парамъ, чтобы спуститься внизъ, на прогулку въ садъ. На лѣстницѣ къ намъ присоединилось нѣсколько учителей, задержанныхъ на верхнемъ корридорѣ Ушинскимъ, и теперь крайне взволнованныхъ. На площадкѣ внизу была передняя, въ которой висѣла одежда учителей. Въ эту минуту классная дама, шедшая впереди, почему-то остановила воспитанницъ на лѣстницѣ. Переднія пары стали смотрѣть на учителей, одѣвавшихся внизу. Сюда скоро вошелъ Ушинскій и торопливо началъ одѣвать свое пальто. Учитель младшаго класса Б. схватилъ калоши Ушинскаго и подбѣжалъ къ нему съ самой заискивающей миной.

— Что вы, что вы...—отсранилъ его Ушинскій, отступая и нѣсколько конфузясь, но въ слѣдующую минуту онъ уже съ какою-то злостью вырвалъ калоши изъ рукъ Б. и иронически, въ упоръ глядя на учителя, спросилъ его: „ваша фамилія? Ахъ да, г-нъ Б..., я у васъ только-что былъ на урокъ“.

— Точно такъ, Константинъ Дмитріевичъ, и я съ большимъ трепетомъ ожидаю вашего приговора.

— Я лакейскаго званія вообще не уважаю, но лакей на каедрѣ... это... ужъ совсѣмъ дѣло не подходящее, — произнесъ Ушинскій холодно презрительно, тотчасъ-же повернулся и вышелъ.

Странно! Мы, болтавшія безъ умолку между собой о малѣйшемъ событіи въ нашихъ стѣнахъ, какъ-то окончательно растерялись при этой сценѣ и разгуливали по мосткамъ сада въ глубокомъ молчаніи. Въ такомъ тупомъ оцѣпенѣніи провели мы и весь остальной день, такъ что дежурная дама даже замѣтила: „а, испугались! Подождите, то-ли еще будетъ! Нечего сказать, пріобрѣтеніе!..“

Послѣ вечерней молитвы, когда дежурная дама ушла въ свою комнату, мы нѣсколько оживились и начали болтать между собой, размѣстившись группами на кроватяхъ. То тамъ, то здѣсь долго слышались отрывочныя фразы по адресу Ушинскаго: „Злой.. неуживчивый характеръ... И какъ онъ смѣетъ!.. И что онъ о себѣ воображаетъ!..“

Въ одной кучкѣ шель горячій споръ.

— Онъ странный, конечно... но въ немъ что-то... сильное, гордое, доказывала одна.

— Какая тамъ гордость... просто невѣжа! Не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о приличіи!

— Это правда... но мнѣ такъ понравились его слова: „лакей на каедрѣ“... — заговорила другая.—Б. дѣйствительно лакей... Вѣдь онъ положительно думалъ спасти себя калошами...

— Но за что же онъ такъ обозлился, что его облили духами?

— Можетъ быть, онъ подумалъ, что мы хотимъ этимъ тоже заискать у него передъ экзаменами...

— Да нѣтъ же... Вотъ и моя сестра часто подсмѣивается надъ нашими обожаніями и духами. Многіе со стороны находятъ это смѣшнымъ...

И почти всѣ въ эту ночь, ложась спать, ломали себѣ голову, что означаетъ то или другое слово, сказанное Ушинскимъ, и, наконецъ, рѣшили, что онъ откажетъ всѣмъ учителямъ, кромѣ Старова, преподавателя русской словесности.

Старовъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Въ то время, какъ мы считали минуты, когда окончится урокъ того или дру-

гаго учителя, мы заслушивались Старова и каждый разъ съ нетерпѣніемъ ожидали его урока. Мы проходили у него теорію прозы и поэзіи, а также и литературу. Какъ у большинства другихъ учителей, мы не имѣли и для его курса никакого учебника. Руководствомъ для этого предмета намъ служили листки, составляемые Старовымъ, которые мы, изъ любви къ учителю, заучивали очень твердо и переписывали особенно изящно. Нужно сознаться, теорія прозы и поэзіи Старова была образцомъ самыхъ нелѣпыхъ опредѣленій, громкихъ, напыщенныхъ фразъ, отрывочныхъ свѣдѣній, не приведенныхъ въ систему. Но все же мы болѣе другихъ предметовъ любили долбить уроки Старова, такъ какъ они были испещрены словами въ родѣ: „высокое“, „прекрасное“, „эстетическое“, „идеаль“ и отрывками изъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, которые Старовъ, по нашему мнѣнію, читалъ намъ въ совершенствѣ. Читалъ онъ нѣсколько грубовымъ голосомъ, сопровождая чтеніе классическими жестами; но намъ это чрезвычайно нравилось. Въ стихотвореніяхъ насъ увлекала музыка и мелодичность стиха, въ прозѣ — возвышенныя выраженія, и хотя до смысла мы не додумывались и нашъ учитель не объяснялъ намъ его, но все же это насъ увлекало болѣе, чѣмъ сухое заучиваніе грамматики. Отрывки изъ теоріи прозы и поэзіи Старова намъ очень мало давали и потому, что они были слишкомъ отрывочны и служили поясненіемъ мало для насъ понятнаго опредѣленія какого нибудь рода поэзіи или прозы. Такъ же проходили мы у него и исторію литературы. На 60—70 листочкахъ въ четверку мы прошли всю русскую литературу. При этомъ Старовъ придерживался такой системы: въ его запискахъ, въ хронологическомъ порядкѣ, были названы всѣ произведенія автора, съ 20—30 строчками объясненія при наиболѣе крупныхъ изъ нихъ. Сами мы никогда не читали ни одного произведенія русскаго писателя, а преподаватель знакомилъ насъ съ нимъ лишь въ отрывкахъ. Такимъ образомъ, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о фабулѣ произведенія, ни объ идеѣ, которая осуществлялась въ томъ или другомъ художественномъ образѣ. Не смотря, однако, на все это, Старовъ былъ самымъ лучшимъ и даже единственнымъ искренно любимымъ учителемъ. Въ то время, когда всѣ держали себя съ нами холодно официально или грубовато, онъ одинъ неизмѣнно относился къ намъ

съ самымъ теплымъ участіемъ. Къ тому же онъ такъ возвеличивалъ, такъ идеализировалъ женщинъ вообще, а это, конечно, не могло не льстить намъ.

— Женщина, — слышали мы чуть не на каждой лекціи, — самое возвышенное, самое идеальное существо! Ей одной предназначено обновить міръ, внести идеалы, уничтожить вражду, поселить любовь, внушить уваженіе... Только женщина можетъ примирить человѣка съ жизнью! Только красота женщины, ея грація и прелесть, кротость и неземная доброта могутъ разогнать душевную тоску, тяжесть одиночества. „Городъ пышный, городъ бѣдный...“, иллюстрировалъ онъ свой душевный порывъ къ женщинѣ, съ особеннымъ чувствомъ останавливаясь на последнемъ четырехстишіи:

„Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой“.

Мы, конечно, не имѣли ни малѣйшаго понятія, какимъ образомъ мы можемъ разгонять тоску одиночества, какъ мы будемъ обновлять міръ и зачѣмъ его обновлять, ни малѣйшаго представленія не имѣли мы и объ идеалахъ, какіе намъ предназначено внести въ міръ, но все же изъ этихъ словъ намъ было ясно, что назначеніе женщины очень прекрасное, и мы весьма гордились этимъ.

Добрая натура Старова не выносила официальныхъ отношеній: встрѣчая на корридорѣ толпу всегда поджидавшихъ его дѣвицъ, онъ не только радушно со всѣми раскланивался, но, замѣчая облачко на чьемъ-либо лицѣ, нѣжно произносилъ: „что затуманилась зоринька ясная“, или что нибудь въ этомъ родѣ, всегда съ экстазомъ декламируя множество стиховъ и внѣ классовъ, и во время уроковъ.

— Ахъ, ш-г Старовъ, — говоритъ ему одна воспитанница, — я сегодня буду очень строго наказана, — и она откровенно рассказываетъ ему, за что ей придется вынести наказаніе и кѣмъ оно назначено. Старовъ, какъ стрѣла, бросается къ классной дамѣ и, хватая ее за руки, со слезами на глазахъ, начинаетъ ее умолять простить воспитанницу. — Вы добрая, прекрасная, хорошая. Можетъ ли въ вашемъ сердцѣ, въ сердцѣ такого

благородиѣйшаго существа, какъ женщина, жить злое чувство!.. Нѣтъ, это невозможно! Карать... казнить... и кого-же?.. такое юное, такое невинное существо!.. Возможно-ли казнить юность за ея увлеченія? И, наконецъ, прощать... о, клянусь вамъ, прощающая женщина — это... это... ангелъ въ небѣ... Нѣтъ, я не уйду отсюда! Я вымолю у васъ прощеніе! Я стану передъ вами на колѣни!

Озадаченная классная дама, опасаясь, что Старовъ приведетъ это въ исполненіе и польщенная прекрасными эпитетами, которые ей едва-ли когда нибудь приходилось слышать отъ мужчины, обыкновенно торопилась исполнить его желаніе.—Ахъ какой вы чудакъ! Ахъ добрякъ вы этакой!.. Ну хорошо, хорошо, для васъ я прощаю Б...—и она немедленно подзывала провинившуюся воспитанницу и громогласно объявляла, что она прощаетъ ее для г. Старова... Всѣ сѣли за урокъ въ самомъ добромъ, мирномъ настроеніи.

Начальство смотрѣло на Старова какъ на очень вѣжливаго человѣка и прекраснаго учителя, прощало ему его экстазъ и эксцентричныя выходки и нисколько не мѣшало намъ, воспитанницамъ, окружать его толпою на корридорѣ, такъ какъ отлично знало, что характеръ его разговоровъ и внѣ классовъ, и на урокахъ неизмѣнно одинъ и тотъ же. И, дѣйствительно, Старовъ вездѣ былъ однимъ и тѣмъ же незлобивымъ, восторженнымъ человѣкомъ, легко приходившимъ въ экстазъ, повидимому, часто даже безъ малѣйшаго для этого повода. Вслѣдствіе своей ограниченности, онъ, какъ учитель, не могъ принести намъ особенной пользы, но за то не сдѣлалъ никому не только ни малѣйшаго вреда, но и какой бы то ни было неприятели. Восторженность его положительно была безпредѣльна: когда Ольриджъ давалъ въ Петербургѣ свои представленія и публика во время антракта вызывала его, Старовъ пробрался на театральные подмостки, бросился на колѣни передъ знаменитымъ артистомъ и поцѣловалъ его руку.

Итакъ, мы считали Старова не только симпатичнѣйшимъ изъ людей, но и замѣчательнымъ преподавателемъ и не находили ни малѣйшаго пятнышка въ его преподаваніи. Когда въ первый разъ послѣ появленія Ушинскаго мы поджидали его на урокъ, мы вышли встрѣтить его цѣлой толпой. При его появле-

ни мы тотчасъ начали рассказывать ему всѣ „выходки“ нашего страннаго новаго инспектора.

— Несомнѣнно,—говорилъ Старовъ грустно задумчиво,—такое лакейство со стороны Б. некрасиво... Но зачѣмъ же такая рѣзкость тона, за что оскорблять! Онъ человѣкъ семейный, бѣднякъ, неразвитой, конечно, но совсѣмъ не злой...

Когда мы сообщили ему, какъ Ушинскій отнесся къ намъ за то, что мы облили его шляпу духами, онъ глубоко возмутился душой.—Господи! И на такую, можно сказать, поэтическую черту характера дѣвушекъ накладывать печать этого... грубаго, сухаго матеріализма!—И затѣмъ, нѣсколько помолчавъ, онъ добавилъ уже совсѣмъ печально:—что-же, дѣвицы, можетъ быть и мнѣ придется разстаться съ вами?

— Ну, ужъ этому не бывать!—закричали мы въ одинъ голосъ. Если онъ васъ не сумѣетъ оцѣнить... онъ, значитъ, ужъ совсѣмъ невѣжда... Мы всѣ тогда возстанемъ... Мы ни за что этого не допустимъ!

Старовъ обводилъ толпу институтокъ восторженными глазами, которые безъ словъ говорили: „прелестныя созданія“, затѣмъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ это всегда съ нимъ бывало передъ какой нибудь наиболѣе восторженной импровизаціей, онъ началъ: „Вы не знаете, что творится въ мірѣ! О, какъ прелестны вы вашимъ невѣдѣніемъ! Не теряйте его, этого лучшаго сокровища юнаго сердца! Ваше непосредственное чувство...“

— Нѣтъ, нѣтъ, м-г Старовъ... перебили мы его на этотъ разъ, желая, во что бы то ни стало, съ его помощью, хотя нѣсколько уяснить себѣ загадочный характеръ новаго инспектора. Скажите намъ, пожалуйста, ваше мнѣніе объ Ушинскомъ... Вы сказали... печать грубаго матеріализма... Что такое матеріализмъ! приставали мы къ нему.

— Полноте, зачѣмъ вамъ все это?.. Я, наконецъ, совсѣмъ не знаю г. Ушинскаго. Слышалъ, конечно... Какъ бы это вамъ объяснить... Видите ли... Въ большомъ ходу теперь новыя идеи... Конечно... многія изъ нихъ заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія.. Но это равенство женщинъ... этому я не могу сочувствовать! Женщина не можетъ имѣть себѣ равныхъ... это высшее существо!.. Не знаю какъ относительно этого вопроса, но мнѣ говорили, что Ушинскій... это замѣчательный умъ, въ высшей сте-

пени образованный человекъ... Онъ, говорятъ, поклонникъ новыхъ идей! Что жь!.. Намъ, старикамъ, по правдѣ сказать, и давно пора очищать мѣсто для новыхъ людей, для новыхъ идей!

Мы мало поняли и эту тираду, но звонокъ прекратилъ наши расспросы, заставивъ насъ опростеться бѣжать въ классъ. Мы не успѣли еще разсѣсться по скамейкамъ, какъ къ намъ вошла инспектриса, а за нею и Ушинскій. Онъ, къ нашему удивленію, привѣтливо раскланялся со Старовымъ.

— Вамъ угодно будетъ экзаменовать дѣвицъ?—обратился Старовъ къ Ушинскому.

— Нѣтъ! я буду васъ просить, по обыкновенію, продолжать ваши занятія.

Старовъ началъ вызывать воспитанницъ и спрашивать заданный урокъ о Пушкинѣ, изложенный у насъ на нѣсколькихъ листочкахъ. Вызванная воспитанница прекрасно отвѣтила свой урокъ.

— Очень твердо заучено... — замѣтилъ Ушинскій. Вы вотъ называете столько произведеній, расскажите мнѣ, пожалуйста, содержаніе хотя одного изъ нихъ, ну, на примѣръ, „Капитанскую дочку“.

Воспитанница молчала.

— Вы развѣ не читали этого произведенія? Какъ-же это можно? Тогда потрудитесь изложить „Евгенія Онѣгина“.

Старовъ началъ объясняться за воспитанницу. Въ классѣ не существуетъ библіотеки. Свой единственный экземпляръ онъ не можетъ намъ оставлять, такъ какъ онъ объ одномъ и томъ-же предметѣ въ одинъ и тотъ-же день читаетъ нерѣдко въ двухъ, трехъ заведеніяхъ.

— Въ такомъ случаѣ я совсѣмъ не понимаю преподаванія литературы! Вы обращались по этому поводу съ запросомъ къ администраціи заведенія?

— Дѣло здѣсь испоконъ вѣка такъ ведется... Забота о библіотекѣ не мое дѣло...

— Да какъ-же вы можете спокойно слушать, когда ваша ученица одно за другимъ называетъ множество произведеній и ни объ одномъ изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія? Слѣдовательно, здѣсь изученіе литературы было оставлено на

произволь воспитанницъ? Вѣдь нельзя-же сказать, что этотъ фразистый, ветхозавѣтный учебникъ, страничку котораго я сейчасъ прослушалъ, могъ имъ служить руководствомъ въ какомъ нибудь отношеніи.

Этотъ фразистый, ветхозавѣтный учебникъ, о которомъ Ушинскій отзывался съ такимъ презрѣніемъ, былъ не что иное, какъ записки самого Старова. При этихъ словахъ Старовъ побагровѣлъ отъ злости и даже привскочилъ, чтобы отвѣтить, но Ушинскій ничего не замѣчалъ и продолжалъ все съ большею горячностью.

— Дѣвицы, кто изъ васъ читалъ „Мертвыя души“? Потрудитесь встать...

Никто не двигался съ мѣста.

— Это невозможно! Вы, сударыня, читали? А вы? Но можетъ быть, что нибудь другое вы читали изъ Гоголя? „Тараса Бульбу“ знаете? И Пушкина никто не читалъ? А Лермонтова, Грибоѣдова? Но это невозможно! Я просто этому не вѣрю! Какъ, ни одна воспитанница, проходя русскую литературу, не прочла ни одного наиболѣе капитальнаго произведенія!.. Да вѣдь это, знаете, что-то совсѣмъ ужъ баснословное!—Ушинскій не получалъ ни откуда никакого отвѣта и, все болѣе горячась, обращался то къ воспитанницамъ, то къ учителю.—Но чѣмъ-же набить вашъ шкафъ?—И съ этими словами онъ подбѣжалъ къ шкафу, который былъ наполненъ тетрадами, грифелями, карандашами, грифельными досками и другими классными принадлежностями; двѣ, три полки были уставлены произведеніями Анны Зонтагъ, Евангеліемъ и нѣсколькими дюжинами разнообразныхъ учебниковъ, которые, кстати замѣтить, у насъ совсѣмъ почти не употреблялись. Пожимая плечами, нервно перелистывая книги, Ушинскій, точно пораженный, нѣсколько минутъ молча простоялъ у шкафа, затѣмъ быстро захлопнулъ его, подошелъ къ столу и сѣлъ на свое мѣсто.—Что-жъ, потрудитесь продолжать занятія,—сказалъ онъ какъ-то вяло, обращаясь къ Старову и вытирая платкомъ потъ, струившійся по его блѣдному лбу.

— Какія тутъ занятія,—обиженно процѣдилъ сквозь зубы Старовъ; однако, вынулъ изъ портфеля одинъ изъ томовъ Пушкина и, горько улыбувшись углами губъ, началъ читать стихотво-

реніе „Чернь“, съ каждой строчкой приходя все въ большій экстазъ. Но послѣднее четырехстишіе:

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“—

онъ читалъ уже вскочивъ на ноги, съ воспаленными глазами, голосомъ, прерывавшимся отъ волненія и выразившимъ все ядовитое презрѣніе, какое только могло накопиться въ этой доброй душѣ ко всѣмъ поборникамъ матеріализма, не умѣющимъ ни понимать, ни цѣнить небесныхъ вождельній и поэтическихъ восторговъ.

— Но вѣдь воспитанницы незнакомы еще и съ болѣе капитальными произведеніями Пушкина,—замѣтилъ Ушинскій... Впрочемъ, продолжайте... Вы, вѣроятно, будете теперь имъ это объяснять?

— Что-же тутъ объяснять! Онѣ отлично все понимаютъ.. У этихъ дѣвушекъ весьма сильно развито художественное чутье...

— Ого, даже художественное чутье... А чѣмъ бы, кажется, оно и могло быть развито при такихъ условіяхъ,—сказалъ Ушинскій, не скрывая ироніи, и, вызвавъ одну изъ воспитанницъ, онъ попросилъ ее передать стихотвореніе своими словами. Но ни эта дѣвица, ни другая, ни третья ничего не могли рассказать, хотя всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

Тогда въ дѣло вмѣшалась инспектриса. Она заявила Ушинскому, что Старовъ замѣчательный преподаватель, что воспитанницы чрезвычайно любятъ его предметъ и много надъ нимъ работаютъ, но въ данную минуту онѣ очень переконфузились и потому не могутъ отвѣчать.

— Можетъ быть, можетъ быть,—недовѣрчиво улыбаясь отвѣчалъ Ушинскій. Попробуемъ объяснить письменно! Пусть одна изъ воспитанницъ вслухъ раза два прочтетъ стихотвореніе и затѣмъ, дѣвицы, потрудитесь своими словами, письменно, изложить прочитанное,—и онъ вышелъ въ корридоръ.

Наша письменная работа оказалась въ высшей степени безтолковой: у однѣхъ она представляла шумиху напыщенныхъ

фразъ, не имѣющихъ между собою самой элементарной логической и грамматической связи, у другихъ черни приписывалось то, что говорилъ поэтъ, и наоборотъ, и при этомъ у тѣхъ и у другихъ немало было крупныхъ орфографическихъ ошибокъ. Къ счастью для насъ, звонокъ помѣшалъ Ушинскому читать вслухъ наши сочиненія, и онъ взялъ ихъ съ собой.

Нужно замѣтить, что все это происходило въ старшемъ классѣ, передъ самымъ выпускомъ. Всѣ воспитанницы дѣлились тогда на два класса: на кофейныхъ—младшихъ ученицъ, и зеленыхъ, также называемыхъ бѣлыми—старшихъ; въ каждомъ классѣ воспитанницы оставались по три года. Были еще и пепиньерки—дѣвицы спеціальнаго, педагогическаго курса, но онъ не былъ обязательнымъ.

Хотя Старовъ и послѣ описанной сцены оставался еще нѣкоторое время въ институтѣ, но лично я не занималась болѣе у него: по причинѣ болѣзни я долго была въ лазаретѣ, а когда выздоровѣла, уже въ 1860 году, Ушинскій предложилъ многимъ изъ нашего выпуска, а въ томъ числѣ и мнѣ, остаться еще на полтора года во вновь устроенномъ классѣ, получившемъ названіе теоретическаго спеціальнаго. Старовъ, къ нашему искреннему сожалѣнію, уже совсѣмъ съ нами распростился, и мы ждали новаго учителя.

— Что же, барышни, вы все еще тоскуете о Старовѣ? — спросилъ однажды Ушинскій, проходя по корридору и встрѣтивъ нѣсколькихъ воспитанницъ.

— Конечно, это во всѣхъ отношеніяхъ былъ прелестный человекъ... Поэтъ въ душѣ, и такой добрый... такой вѣжливый...— отвѣчала самая бойкая изъ насъ, стараясь уничтожить Ушинскаго своею язвительностью.

— Такъ-то такъ, только мало вы вынесли изъ его преподаванія... Мало и понимали его...

— Мы понимали, — съ искусственнымъ равнодушіемъ, все еще не сдаваясь, отвѣчала та-же.

— Къ сожалѣнію, этого не подтвердили ни ваши устные, ни письменные отвѣты...

При этихъ словахъ одна дѣвушка вся вспыхнула, закрыла лицо руками и быстро заговорила голосомъ, въ которомъ дрожали слезы:—Мы сами виноваты, что потеряли такого учителя...

такого человѣка, лучше котораго нѣтъ на свѣтѣ.. Ему одному мы все могли сказать... Онъ самый добрый... Онъ защищалъ насъ... и онъ такъ все понималъ... У него поэтическая душа, онъ даже самъ писалъ стихи... Развѣ онъ виноватъ, что воображалъ насъ умнѣе, и такъ и читалъ намъ...

— Милая, милая барышня, — перебилъ ее Ушинскій съ искреннимъ чувствомъ.—Вѣрьте мнѣ, это чистѣйшій типъ сентиментальнаго фразера и говоруна!.. Не горюйте, у меня есть въ виду для васъ, дѣйствительно, хорошій преподаватель... И если въ учителѣ вы ищете непременно доброты... по моему и одного ума достаточно... такъ вашъ будущій учитель, дѣйствительно, добрый человѣкъ...

— Чѣмъ-же онъ лучше Старова?—спрашивали мы, удивляясь, что съ Ушинскимъ можно разговаривать.

— Да хоть бы тѣмъ, что онъ научить васъ работать, научить читать, заставить полюбить чтеніе, познакомить не только съ названіями произведеній, но и съ ихъ содержаніемъ.

— А какъ его фамилія?

— Водовозовъ.

— Ну ужъ одна фамилія чего стоитъ!—выпала одна изъ насъ, неожиданно даже для себя самой.

— Вы ошибаетесь,—снова запальчиво возразилъ Ушинскій, рѣшительно не переносившій не только ни малѣйшей пошлости, но и глупой остроты. Онъ будетъ пригоденъ и для того, чтобы научить васъ понимать, что достойно смѣха и что не заслуживаетъ его.

II.

Наконецъ, давно ожидаемый новый учитель литературы, Василій Ивановичъ Водовозовъ, появился у насъ въ классѣ. Боже, какъ онъ былъ далекъ отъ того идеала, который мы уже себѣ составили. Человѣкъ, рекомендованный и столь расхваливаемый Ушинскимъ, долженъ былъ, по нашему мнѣнію, обладать суровымъ выраженіемъ лица, презрительной усмѣшкой, молніеноснымъ взглядомъ. И вдругъ мы увидали болѣе чѣмъ пожилаго человѣка (онъ уже тогда, не смотря на свои 35 лѣтъ, выглядѣлъ старикомъ), средняго роста, съ самою простодушною фізіономією,

разсѣянно поглядывавшаго то въ одну, то въ другую сторону. Сзади него шель Ушинскій. Ни съ кѣмъ не раскланявшись, Василій Ивановичъ подошелъ къ столу, суетливо завозился съ своимъ огромнымъ портфелемъ и вдругъ повернулся какъ-то вбокъ и задумчиво уставился въ одну точку на стѣнѣ. Наконецъ, онъ какъ будто что-то вспомнилъ, встрепенулся и снова завозился съ своимъ портфелемъ, но тутъ онъ какъ-то неловко потянулъ рукавомъ за замокъ портфеля и свалилъ его на полъ.

— Это ничего... — добродушно, махнувъ рукой и разсмѣявшись, сказалъ онъ, точно самъ себя успокоивая, и нагнулся, чтобы подобрать рассыпавшіяся по полу книги, ударяясь о столъ головой.

Только присутствіе Ушинскаго сдержало нашъ презрительный смѣхъ. Къ тому-же въ эту минуту насъ поразило то, что самъ Ушинскій тоже разсмѣялся какъ-то очень добродушно, а мы уже совсѣмъ не подозрѣвали въ немъ никакого добродушія. И, о ужасъ! этотъ гордый и высокомерный Ушинскій тоже началъ усердно помогать подбирать книги новому учителю.

— Ну что, вѣдь экзаменовать ихъ не надо?—вопросительно обратился В. И. къ Ушинскому, и тутъ-же самъ себѣ отвѣтилъ: „конечно, нѣтъ... зачѣмъ?“

— Какъ хотите... Имъ какъ-то при мнѣ читали Пушкина „Чернь“, вотъ-бы и вы имъ тоже прочли, да объяснили.

— Что-же... это можно... Только у меня нѣтъ съ собой этого тома Пушкина... Впрочемъ, все равно,—и съ этими словами Василій Ивановичъ подошелъ къ скамейкамъ и произнесъ все стихотвореніе на память.

Уже черезъ нѣсколько минутъ насъ поразило, что человѣкъ, по нашему мнѣнію, столь далекій отъ поэзіи, такъ хорошо передаетъ стихи. Окончивъ стихотвореніе „Чернь“, В. И. замѣтилъ, что на ту-же тему Некрасовымъ написано „Поэтъ и гражданинъ“ (мы въ первый разъ услышали имя этого поэта), и опять отъ начала до конца, такъ-же прекрасно и тоже наизусть онъ произнесъ и это стихотвореніе, а затѣмъ приступилъ къ объясненію. Говорилъ онъ далеко не гладко, но все, что онъ говорилъ, мы совершенно ясно понимали, все это противорѣчило всему тому, что мы до сихъ поръ слышали, все это въ высшей степени заинтересовало насъ и впервые заставило серьезно работать

наши головы. Послѣдовательно объясняя стихотвореніе того и другаго поэта, В. И. далъ краткое изложеніе идей, господствовавшихъ въ литературѣ съ 1820-хъ до половины 1840-хъ годовъ, и тѣхъ, которыя возникли въ ней съ конца 1840-хъ и въ 1850-хъ годахъ, передъ крестьянскою реформою. Такимъ образомъ, въ концѣ лекціи, передъ нами само собой выяснились содержаніе и смыслъ того и другаго стихотворенія. По окончаніи урока, В. И. замѣтилъ намъ, что съ будущей лекціи мы начнемъ послѣдовательно, одно за другимъ, изучать произведенія русскихъ писателей, но что у насъ едва хватитъ времени серьезно проштудировать болѣе крупныя изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что мы должны знакомиться и со всеобщей литературой. На этотъ разъ онъ потому такъ долго остановился на этихъ двухъ стихотвореніяхъ, что К. Д. просилъ объяснить ихъ, а затѣмъ онъ уже самъ увлекся. При этомъ онъ просилъ насъ къ будущему разу письменно изложить какъ содержаніе названныхъ двухъ стихотвореній, такъ и его сегодняшнее объясненіе. Онъ предложилъ намъ всегда во время урока записывать за нимъ, но при изложеніи относиться самостоятельно къ его объясненіямъ.

На первый разъ мы прощали всѣ странности новаго учителя уже за одно то, что онъ насъ не „распиналъ“, т. е. не экзаменовалъ. Мы боялись этого не потому, что не знали пройденнаго, такъ какъ всегда, о чемъ было уже упомянуто, твердо заучивали уроки Старова, а потому, что всякій новый преподаватель, введенный Ушинскимъ, представлялся намъ большимъ „насмѣшникомъ“. Мы скоро пришли на этотъ счетъ совсѣмъ къ другому выводу, особенно относительно Василія Ивановича.

Съ каждой лекціей онъ незамѣтно для насъ самихъ втягивалъ насъ въ серьезную умственную работу, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ была немислима для институтокъ. Мы, ничего не читавшія, вдругъ начали читать чрезвычайно много, а нѣкоторыя изъ насъ и съ пожирающею страстью. Необходимость не только прочесть, но и проштудировать каждое произведеніе и послѣ толковаго объясненія учителя изложить его письменно, развивали въ насъ мало по малу способность внимательно слушать и излагать прочитанное, быстро расширяли нашъ умственный кругозоръ.

Быстрому умственному росту институтокъ того времени

содѣйствовали не только В. И., но и большая часть новыхъ преподавателей ¹⁾, и прежде всего самъ К. Д. Ушинскій. Онъ читалъ намъ лекціи по педагогикѣ, и при своихъ обширныхъ знаніяхъ, при большомъ ораторскомъ талантѣ, онъ обладалъ выдающеюся способностью излагать въ доступной для насъ формѣ необходимыя понятія по психологіи и физиологіи. Замѣчательная способность Ушинскаго подобрать пригодныхъ для дѣла людей, по одной лекціи учителя понять слабыя и хорошія стороны его преподаванія и своимъ необыкновеннымъ педагогическимъ тактомъ и чутьемъ умѣть настолько поддерживать его своими совѣтами, что въ концѣ концовъ изъ него дѣйствительно вырабатывался хорошій педагогъ, также много помогала блестящимъ успѣхамъ ученицъ, ихъ серьезнымъ, усидчивымъ занятіямъ. Содѣйствовали этому, наконецъ, и 1860-е годы—самая горячая, самая свѣтлая пора развитія въ русскомъ обществѣ гражданскихъ идеаловъ и стремленій къ безкорыстному служенію родинѣ, только благодаря энергіи Ушинскаго занесенныхъ и въ нашъ, до той поры крѣпко-на-крѣпко запертый, монастырь. Въ нашемъ шкафу появились теперь произведенія русскихъ авторовъ, для насъ былъ выписанъ даже „Разсвѣтъ“ Кремпина, въ то время считавшійся лучшимъ журналомъ для юношества. Къ тому-же, большая часть преподавателей, каждый по своему предмету, приносили намъ наиболѣе полезныя произведенія.

Если В. И. Водовозовъ почему-нибудь не считалъ удобнымъ принести намъ ту или другую книгу, какъ подспорье для своихъ объясненій при изученіи того или другаго писателя, мы все-же знакомились съ нею изъ его устнаго изложенія.

Всѣмъ извѣстны прежнія темы русскихъ ученическихъ сочиненій. Какъ бились мы, бывало, у Старова, надъ какимъ-нибудь „восходомъ солнца“, котораго никто изъ насъ, конечно, никогда не видалъ, чтобы нагнать хотя двѣ странички разгонистымъ почеркомъ, что считалось *minimum* объема такого сочиненія. У В. И. мы не дѣлали сочиненій на подобныя темы, но

¹⁾ Изъ наиболѣе талантливыхъ преподавателей, введенныхъ К. Д. Ушинскимъ, особенно выдѣлялись Мих. Ивановичъ Семевскій, увлекательно читавшій у насъ лекціи по русской исторіи, и Дм. Дмитріевичъ Семеновъ—учитель географіи, получившій впоследствии педагога-практика.

излагали письменно всѣ прочитанныя произведенія авторовъ, пополняя ихъ объясненіями учителя; мало по малу и наши собственные взгляды все болѣе вырабатывались подъ руководствомъ опытнаго педагога. Эти письменныя работы у нѣкоторыхъ едва умѣщались на 8—9 листахъ. Но какъ-бы объемисты онѣ ни были, В. И. не затруднялся этимъ, тщательно выправлялъ наши работы и ему еще часто приходилось дѣлать на поляхъ множество поясненій.

В. И. всегда оставался болтать съ нами не только между уроками, но весною и осенью онъ нерѣдко приходилъ въ нашъ садъ, и мы, въ свободное отъ занятій время, гуляли вмѣстѣ съ нимъ. Впослѣдствіи къ этимъ бесѣдамъ начальство относилось весьма недружелюбно, но въ первый годъ вступленія В. И. въ наше заведеніе никто не стѣснялъ нашихъ бесѣдъ, и онѣ принесли намъ, тогда еще мало развитымъ дѣвушкамъ, совершенно изолированнымъ отъ міра, людей и хорошихъ книгъ, весьма существенную пользу. Только изъ этихъ бесѣдъ узнали мы, какіе существуютъ у насъ лучшіе журналы, впервые отъ В. И. услышали мы имена Добролюбова, Некрасова, Островскаго, Тургенева и другихъ замѣчательныхъ современныхъ писателей и дѣятелей, такъ какъ наша программа не вмѣщала изученія современной литературы. Отъ В. И. узнали мы также о существованіи воскресныхъ школъ для народа. Былъ-ли онъ въ театрѣ, онъ сообщалъ намъ о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ представленія, и тутъ-же кстати знакомилъ насъ съ цѣлями, которыя преслѣдовали драматическій писатель и современный актеръ.

Эти бесѣды не носили и тѣни характера лекціи; онѣ быстро пробуждали въ нашемъ умѣ самый живой интересъ къ неизвѣстному намъ до сихъ поръ міру. Мы, нисколько не стѣсняясь, высказывали свои мнѣнія и часто, перебивая другъ друга, осыпали его вопросами. Все, что приходило намъ въ голову во время этихъ бесѣдъ, мы немедленно сообщали В. И., желая знать обо всемъ его мнѣніе. Если онъ замѣчалъ, что когонибудь изъ насъ особенно интересуеть что-либо вычитанное нами въ новомъ журналѣ, выписываемомъ для насъ, онъ называлъ намъ другія популярныя сочиненія и нерѣдко даже самъ доставлялъ ихъ намъ. Все болѣе чувствуя потребность въ этихъ бесѣдахъ съ В. И.,

мы, въ свою очередь, замѣчали, что и его въ высшей степени интересуеть наша болтовня, какъ бы она ни была наивна и подь-часъ даже смѣшна.

— Вы бываете въ гостяхъ, или вы все только читаете и пишете?—пристаемъ мы бывало къ нему.

— Еще-бы... послѣ пяти—шести уроковъ въ день такъ иногда устанешь, что не до работы. Вотъ я вчера цѣлый вечеръ провель въ гостяхъ.

— Гдѣ же вы были? А вы знаете какогонибудь литератора? Скажите... когда литераторы собираются въ гости, что они дѣлають? Вѣдь другіе, не литераторы, такъ, пожалуй, все и смотрять, такъ и слѣдятъ за литераторами.

— Вѣроятно, это очень непріятно,—перебивають подруги.

— Напротивъ,—восторженно возражаетъ одна.—Я думаю... какъ они счастливы... какъ гордятся общимъ вниманіемъ!

— И литераторы вмѣстѣ съ другими пьютъ чай въ гостяхъ?—вдругъ спросила одна.

Хотя всѣхъ въ душѣ интересоваль этотъ вопросъ, но онъ былъ поставленъ такъ категорично, такъ простодушно-наивно, что мы сами разсмѣялись, а вмѣстѣ съ нами и В. И.

Однако, скоро всѣ эти бесѣды были прекращены. Дѣятельность Ушинскаго пришлась настолько не по душѣ нашему начальству, что оно мало скрывало это даже отъ насъ, грубо порицая его нововведенія, вкривъ и вкось перетолковывая его слова, осуждая всѣхъ новыхъ учителей и презрительно подсмѣиваясь надъ ними. У насъ начали серьезно поговаривать объ удаленіи изъ института Ушинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ введенныхъ имъ преподавателей. Мы пришли въ серьезное отчаяніе и заволновались. Но это лишь вызвало крутыя мѣры противъ наиболѣе строптивыхъ и угрожало имъ серьезными послѣдствіями. До нашего выпуска оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и нѣкоторые изъ наиболѣе любимыхъ учителей успокоивали насъ, говоря, что оставлять институтъ лишь вмѣстѣ съ нами. Мы тотчасъ успокоились, но не надолго. Однажды дежурная дама заявила передъ урокомъ одного изъ новыхъ учителей, чтобы мы не смѣли болѣе разговаривать съ нимъ во время рекреаций. Мы объяснили себѣ, что это распоряженіе касается лишь одного учителя, и продолжали выходить къ В. И. Первое время это намъ

сходило съ рукъ, тѣмъ болѣе, что уроки В. И. довольно долго совпадали съ дежурствомъ болѣе снисходительной классной дамы.

Какъ-то вбѣжала въ классъ одна изъ нашихъ подругъ и передала намъ конецъ разговора Ушинскаго съ В. И., котораго она была случайной свидѣтельницей. Ушинскій, стоя у окна противъ В. И., сказалъ ему съ иронической усмѣшкой: „Такъ вы думаете, что вашимъ бесѣдамъ не помѣшаютъ... Наивный вы человѣкъ! Вѣдь для этого нужно имѣть волчьи зубы и лисій хвостъ“...

Опасаясь повредить В. И., а вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ, мы условились какъ можно рѣже выходить теперь къ нему во время рекреаций, но ничто не помогло, и наши бесѣды съ нимъ были пріостановлены. Теперь намъ это было особенно тяжело уже потому, что нашему развитію данъ былъ серьезный толчекъ: мы продолжали усердно читать все, что только могли достать изъ рекомендованнаго намъ, но кромѣ книги требовалось живое слово, опытный руководитель, который, хотя бы иногда, разрѣшалъ наши недоразумѣнія и сомнѣнія. Къ тому же, передъ каждой изъ насъ все болѣе назрѣвалъ самый жгучій, трудный, самый сложный изъ всѣхъ вопросовъ: что намъ дѣлать съ собою послѣ окончанія курса?...

За эти полтора года, проведенные нами въ институтѣ послѣ реформы Ушинскаго, мечты и стремленія институтокъ совершенно измѣнились. Никто изъ насъ не мечталъ болѣе о балахъ, о выѣздахъ, объ эффектѣ, произведенномъ роскошью туалета и легкостью танца,—теперь всѣ хотѣли работать, всѣ мечтали о серьезныхъ занятіяхъ, даже дѣвушки, совершенно обеспеченныя въ матеріальномъ отношеніи. Съ кѣмъ же намъ было посовѣтываться обо всемъ этомъ, какъ не съ В. И., ближе другихъ ставшимъ къ намъ и съ которымъ мы могли говорить, не стѣсняясь, даже о своемъ семейномъ и матеріальномъ положеніи. Тогда нѣкоторыя изъ насъ придумали такое средство: подавая письменную работу, мы въ концѣ ея спрашивали В. И. обо всемъ, что насъ занимало. Мы были увѣрены, что В. И. пойметъ причину такихъ письменныхъ вопросовъ, сумѣетъ найти подходящую форму и удобный моментъ, чтобы и во время занятій дать хотя краткое объясненіе, отвѣтъ на мучающій насъ вопросъ. И дѣйствительно, В. И. чрезвычайно внимательно и деликатно относился

къ такимъ просьбамъ: возвратитъ ученицѣ ея работу и начинаетъ толковать съ нею о томъ, о чемъ она его спрашивала, придавъ такому объясненію общеинтересный характеръ. Къ несчастію, однако, одна изъ такихъ работъ съ обращеніемъ къ В. И. попалась въ руки классной дамы, особенно недолюбливавшей Ушинскаго и всѣхъ новыхъ учителей. Она всюду стала кричать, что воспитанницы пишутъ письма учителямъ, но не показала этого письма начальству, а передала его содержаніе устно, по своему, совершенно исказивъ его первоначальный смыслъ. И вотъ каждая классная дама начинаетъ передавать содержаніе этого злополучнаго письма другой дамѣ, но уже въ новой редакціи, такъ что въ концѣ концовъ оно носило пошлый, грязный характеръ. На всѣхъ воспитанницъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ новымъ учителямъ, начали взводить обвиненія въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, дѣлали двусмысленные намеки на ихъ отношенія къ этимъ учителямъ, намеки, которыхъ онѣ рѣшительно не понимали въ данную минуту, но которые могли скорѣе нравственно исковеркать дѣвушекъ, чѣмъ принести имъ какую нибудь пользу. Ушинскаго прямо въ глаза обвиняли, что онъ ввелъ безнравственныхъ учителей; онъ потребовалъ письмо и пришелъ въ ужасъ, что такой наивный дѣтскій лепетъ могъ послужить поводомъ къ столь возмутительнымъ обвиненіямъ. Уже послѣ окончанія мною курса, Ушинскій, встрѣтивъ меня, началъ вспоминать исторію, надѣлавшую въ институтѣ такъ много шума и доставившую ему столько хлопотъ и непріятностей, вручилъ мнѣ довольно объемистую тетрадь и просилъ переслать ее по принадлежности. Вся тетрадь заключала въ себѣ живо и бойко изложенную характеристику личностей Печорина и Онѣгина, и лишь послѣднія четыре странички были посвящены личнымъ чувствамъ, вопросамъ и сомнѣніямъ. Вотъ въ чемъ состояло это обращеніе къ Василію Ивановичу.

„Какъ мнѣ нужно съ вами переговорить, Василій Ивановичъ? Но при теперешнихъ порядкахъ это совершенно невысказуемо, между тѣмъ я болѣе чѣмъ кто нибудь нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ. Боже, какое множество „проклятыхъ вопросовъ“ осаждаетъ мою бѣдную голову, заставляетъ напролетъ проводить ночи безъ сна! Болѣе всего пугаетъ меня слѣдующее: не смотря на то, что я безконечное число разъ перечитала „Евгенія

Онѣгина“ и „Героя нашего времени“, не смотря на то, что я вполне поняла и совершенно согласна, но согласна только умомъ, съ оцѣнкою, данною вами этимъ героямъ, мое сердце не подчиняется никакимъ благоразумнымъ внушеніямъ, ни своимъ собственнымъ, ни даже вашимъ. Всѣ герои, какъ Печоринъ и Онѣгинъ, имѣютъ для меня неотразимую прелесть. Въмѣсто того, чтобы возбудить презрѣніе къ себѣ своею пустотою, своими жестокими, часто даже безчеловѣчными, поступками, они привлекаютъ меня своимъ, какимъ-то гордымъ, таинственнымъ величіемъ, своимъ презрѣніемъ къ жизни и къ людскому мнѣнію, однимъ словомъ они имѣютъ надо мной непобѣдимую власть и силу. Я чувствую, я вполне увѣрена, если бы я встрѣтилась съ личностью въ родѣ Онѣгина, и тѣмъ болѣе Печорина, я съ наслажденіемъ записалась бы въ число его жертвъ, лишь бы только онъ, хотя на одну минуту, остановилъ на мнѣ свое вниманіе. Изъ этого вы видите, какъ глубоко я безнравственна, какая я жалкая и несчастная. Вы всегда указываете на трудъ, какъ на лучшее средство противъ всѣхъ нравственныхъ недуговъ, вы какъ-то упоминали, что это лучшее лекарство противъ сантиментальныхъ фантазій,—я думаю, что и въ этомъ случаѣ вы подвели бы мои думы подъ ту-же категорію. Что же мнѣ дѣлать, чтобы не предаваться такимъ безнравственнымъ бреднямъ? Клянусь вамъ, я готова работать и день, и ночь, укажите только, надъ чѣмъ и какъ работать, чтобы быть полезной и себѣ, и другимъ. Вы какъ то говорили, что у васъ есть воскресная школа; позвольте же мнѣ, В. И., послѣ окончанія курса раздѣлить въ ней вашъ трудъ. Объясните только, что мнѣ слѣдуетъ почитать, надъ чѣмъ поработать для того, чтобы приносить въ этой школѣ дѣйствительную пользу. Но все же этого для меня еще слишкомъ мало, чтобы совсѣмъ заглушить, вырвать съ корнемъ мои омерзительныя думы. Для этого, я полагаю, нужно пріискать тяжелую, большую, большую работу. Прошу васъ, добрый, хорошій В. И., составить мнѣ программу на цѣлый годъ, имѣя въ виду 12 часовъ въ день работы въ продолженіе шести дней, воскресенье же я буду проводить въ вашей школѣ и только вечеромъ посѣщать подругъ, которыхъ очень люблю. Для моей пошленькой природы необходимъ цѣлый день тяжелаго труда, иначе я совсѣмъ погибну.

„Я забыла вамъ объяснить, почему я прошу у васъ программы на цѣлый годъ: отецъ позволилъ мнѣ въ теченіи года послѣ выпуска серьезно позаняться, и только уже послѣ этого я поступлю въ гувернантки“.

Исторія, возбужденная этимъ письмомъ, во время которой насъ совсѣмъ измучили допросами и двусмысленными намеками, прекратилась отчасти сама собой, вслѣдствіе начавшихся экзаменовъ, отчасти благодаря энергіи Ушинскаго. Онъ много хлопоталъ, чтобы выяснитъ дѣло, мѣшавшее нашимъ занятіямъ, и наше начальство скоро убѣдилось, что, не смотря на доносы и клеветы, которое оно распускало объ Ушинскомъ, высшія власти все же весьма уважительно относились къ нему, и оно начало сквозь пальцы смотрѣть на новыхъ учителей, тѣмъ болѣе, что они скоро совсѣмъ должны были оставить заведеніе.

Итакъ, изъ всѣхъ учителей, бывшихъ въ институтѣ за все время воспитанія моего въ немъ, Василій Ивановичъ Водовозовъ болѣе другихъ оставилъ по себѣ память какъ достойнѣйшій преподаватель въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ не только опытнымъ педагогомъ, пробудившимъ въ насъ сознательный интересъ и любовь къ изученію родной литературы, но и истиннымъ другомъ своихъ ученицъ. Обладая обширными свѣдѣніями по многимъ отраслямъ знанія и проникнутый самою теплою любовью къ молодежи, онъ развилъ въ насъ живой интересъ къ знанію, любовь къ труду, утвердилъ въ мысли, что каждый, на какой-бы ступени развитія ни стоялъ, обязанъ быть полезнымъ окружающимъ, а для этого онъ долженъ идти въ уровень съ вѣкомъ, слѣдовательно, постоянно, всю жизнь пополнять пробѣлы своего образованія, и что только себялюбецъ и лѣнтяй пренебрежительно относится къ скромному дѣлу, которое у каждаго подъ руками, мечтая въ будущемъ совершить гигантскій трудъ.

Н. Титова.